Studia Culturae: Вып. 2 (32): Simposium: К.А. Очеретяный. С. 127-136.

К.А. ОЧЕРЕТЯНЫЙ

Кандидат философских наук,
Ученый секретарь Центра медиафилософии, ИФ СПбГУ,
Старший преподаватель кафедры истории и философии СПбГАСУ

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ: К ВОЗМОЖНОСТИ СОМАТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В статье рассматривается ряд проблем, которые позволяют говорить о возможности нового эпистемологического и социокультурного дискурса – символической археологии тела. Открытость человеческого мира, его символико-смысловой горизонт во много определен телесно и в этом смысле о мире можно говорить не столько в критико-теоретическом, сколько в аффективно-эмоциональном и интеранктивно-перцептивном модусе. Мир как продолжение взгляда уступает место, по выражению Д. де Керкхофа, миру как продолжению кожи, тело здесь не граница мира в смысле внешнего искусственного ограничения человеческого духа, но условие собирания духа, сознания, разума, подведения его к пределу и обращения на себя; условие самопонимания, которое как в древних мистических практиках начинается с умения ориентироваться в собственном теле, а заканчивается пониманием тела как умного образа целого – микрокосма, делающего макрокосм, обжитым, понятным, человекоразмерным. Тело человека как модель эпистемологического и социокультурного дискурса возвращает ему способность понимать ситуации изнутри, через эмоциональное вживание, познание здесь – это и переживание, и проживание. Т.е. соматическая эпистемология это понимание действительности, не из-вне как объективно противостоящего, эмоционально-отчужденного вещественного нечто, но изнутри самой этой действительности, в живом эмоционально-телесном укоренении в ней; инструмент познания (средство) здесь сама смысловая среда (действительность), а степень понимания зависит не от отстранения, а от живого проникновения в эту среду. Тем не менее, физическое тело человека может быть помыслено как арена борьбы символических моделей телесности, а его история как история вытеснения, опустошения, забвения когда-то доминировавших телесных техник. Выяснение того как функционирует скрытая семиотика тела позволяет приблизится к пониманию нас самих в нашей повседневности.

Ключевые слова: телесность, медиа, символическая археология, культурное отчуждение, техники тела, технические образы, соматическая эпистемология, мир как продолжение кожи, отчуждение, человекоразмерность, семиотика тела.
Статья написана при поддержке гранта РГНФ 16-03-00566, СПбГУ.

K.A. OCHERETYANY

PhD of Philosophy, Assistant Professor
Scientific secretary of the Centre for mediaphilosophy, St. Petersburg State University.
Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy of the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

This work was supported by Grant RNF № РГНФ 16-03-00566,SPbSU.

THE HUMAN BODY – THE ZONE OF ALIENATION: TO THE POSSIBILITY OF SOMATIC EPISTEMOLOGY

The article deals with a number of problems that allow us to talk about the possibility of a new epistemological and sociocultural discourse - the symbolic archeology of the body. The openness of the human world, its symbolic and semantic horizon is largely determined bodily and in this sense the world can be spoken not so much in the critical-theoretical as in the affective-emotional and inter-perceptive mode. The world as a continuation of the view gives way, according to D. de Kerkhof, to the world as a continuation of the skin, the body here is not the boundary of the world in terms of the external artificial limitation of the human spirit, but the condition for collecting the spirit, consciousness, reason, bringing it to the limit and turning to oneself; The condition of self-understanding, which, as in ancient mystical practices, begins with the ability to orientate in one's own body, and ends with the understanding of the body as a clever image of the whole-the microcosm that makes the macrocosm lived, understood, human-sized. The human body as a model of epistemological and sociocultural discourse gives him the ability to understand situations from within, through emotional living, cognition here is both experience and living. Those. Somatic epistemology is an understanding of reality, not from outside as an objectively opposing, emotionally alienated material something, but from within this very reality, in a living emotional-corporal rebellion in it; The instrument of cognition (means) here is the semantic environment (reality itself), and the degree of understanding does not depend on removal, but on living penetration into this environment. Nevertheless, the physical body of a person can be thought of as an arena for the struggle of symbolic models of corporeality, and its history as a history of repression, devastation, oblivion of once dominant bodily techniques. The elucidation of the functioning of the hidden semiotics of the body allows us to come closer to understanding ourselves in our everyday life.

Keywords: physicality, media, symbolic archeology, cultural alienation, body engineering, technical images, somatic epistemology, the world as a continuation of the skin, alienation, human dimension, semiotics of the body.

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Согласно определению, сформулированному философской антропологией, человек отличается от всех прочих живых существ не наличием некоего смутного внутреннего чувства «себя» (которое можно обнаружить уже у растений) и даже не наличием сознания, но уникальной эксцентрической позициональностью. Другие существа – «центричны», в том смысле, что центр их органического тела является одновременно их сущностным центром, они укоренены в природном мире. Человек позиционально «эксцентричен», поскольку центр его органического тела не является средоточием его существа. Не укорененный в природе как наличном бытии, человек, – мученик культуры, – обращен к горизонту недифференцированных возможностей. Животные идеально встроены в свои тела: принадлежа

порядку природы, они во многом есть «только тела» – соматические автоматы. Человек же, как существо денатурализованное и хронически открытое семиозису, не столько заключен в теле, сколько перенимает его как сумму возможных техник, способов ориентации в мире. Для животного тело – тюрьма, для человека – утопия, поскольку оно дается как бы взаймы и обретает свой завершенный образ в моделях символизации, предоставляемых культурой.

В XX веке разработки в области антропологии тела позволили критически переоценить догмат о тотальной биологической детерминации функций человеческого организма. Оказалось, что ощущения, движения, состояния человеческого тела неотделимы от социальной и культурной регламентации: от символической разметки пространства и времени, от тиражируемой культуры образцов переживания боли, волнения, экстаза, и даже от эффектов, налагаемых на репрезентацию телесности техническими аппаратами (в фотографии, кино, рекламе, новостных телевизионных сюжетах). Современный западный мир, инвестировавший ключевые для себя смыслы в дигитальную медиареальность, давно произвел «оцифровку» тела, перенеся его в сферу воображения. Образы, тиражируемые электронными медиа, обживают тела людей, но имагинативный колониализм – явление характерное не только для сегодняшнего дня. Человек был зависим от техник тела, транслируемых по семиотическим и иконическим каналам культуры, задолго до того, как эти каналы были монополизированы новыми медиа. Первобытный человек претендовал на подражание животным, перенимая их навыки выживания в среде, как телесные техники; мы перенимаем технические образы как символическую кожу, для обитания в универсуме цифровой реальности.

Не означает ли это, что физическое тело человека – лишь арена борьбы символических моделей телесности, а его история – история вытеснения, опустошения, забвения когда-то доминировавших телесных техник? Тогда мы можем, по аналогии с существованием рудиментарных органов в физиологическом измерении тела, предположить наличие рудиментарных смыслов в его символическом измерении. Индикаторами последних выступают разрозненные элементы, входящие прежде в комплексы актуальных техник тела (инструментально-коммуникативных навыков), а ныне сохраняемые в «спящем режиме»: сменившие смысловую ориентацию или ставшие вовсе смыслонепроницаемыми. Символическая археология тела как новая теоретическая установка позволила бы по сохранившимся «деактивированным» элементам (обрывкам символико-смысловой цепи) восстановить вытесненные образы и знаки, циркулировавшие в пространстве стигматизированного культурой тела, обнаружить альтернативные стили чувственности и реабилитировать обесцененные модели желания.

Историю культуры, можно рассматривать также как историю поиска тела. Человек в силу исходной отногенетической катастрофы – травмы рождения – оказался вытеснен за границы природного измерения. Он посторонний и обделённый: у него нет права на тело, оно не дано ему непосредственно, его необходимо завоевать (политика силы) или выкрасть (политика хитрости) – для этого он использует средства в том числе и символические, и технические. Он подражает телесности животных, используя свои инструменты как протезы, компенсирующие дисбаланс сил. Но то, что изначально предполагается использовать как подспорье в достижении цели, в итоге само становится целью: символические образы и технические средства, ориентированные на подражание телесной конституции обитателей природного царства, стали обживаться как самостоятельные и законченные модели тела. Инструменты, используемые для уподобления животным, их гомеостатической встроенности в среду (татуировки, краска, одежда, подражавшие шкуре животного, средства охоты, подражавшие его когтям и зубам) создали автономный мир, окончательно замкнув человека в лабиринтах семиотики, не имеющий выхода к означаемому.

Уже в первобытных культурах обнаруживаются инструменты, не имеющие аналогов в природе, обнаруживаются и образы, не имеющие природных прототипов: ярким примером сочетания первых и последних, является «колесо» – изобретение столь много изменившее в способе переживания пространства и времени, а значит и в модификации чувства скорости, ритмов повседневности, моделей сознания. Однако колесо – лишь прообраз современной техники, которая оборачивает порядок природы сталкивая его с самим собой. Как новый способ символической ориентации человека в мире техника переворачивает исходное положение дел: если раньше животные обладали телами и даже до определенной степени «были телами» для «обделенного телом» человека, то после овладения человеком символико-технологическим инструментарием, обладание телом понимается как исключительная привилегия существа, определенного в своем существовании технологией. Возникает новая форма представления телесности: не как природного, но как культурного (символического, семиотического, технологического) образования.

Только тот, чьё существование изначально было определено метой отчуждения и выстроено в перспективе его преодоления знает «меру своего» как границу, отделяющую от «чужого». Поскольку культурные техники человека, становятся его телом, природа начинает восприниматься как «свое» если она прошла процедуры символизации и технологизации, если же она не подчиненна культурному порядку, ее рассматривают как чужое и чуждое: как темное, хаотическое, безмерное. Тело – это все то, что обладает органами, это все то, что организованно согласно правилу. Вертикальное положение человеческого тела уже есть выражение этого правила: по сравнению с горизонтальным расположением тела животного оно выступает условием рас-

синхронизации движений культуры и природы. Для человека горизонтальное положение – это перспектива смерти, положение трупа, сна, совокупления, предельного опьянения, обморока – состояние потери себя. Вертикальное положение – условие панорамного видения, космической собранности пространства, полноты настоящего времени. Теперь время и пространство, а значит вся вереница вселенских событий развертывается вокруг человека. Неудивительно, что от имени человека «своим» признается все то, что можно включить в культуру как форму символического упорядочивания пространства и времени, как форму актуального существования, а чужим – все то, что угрожает распаду организованного и новой утратой «своего». Возникает моральная интерпретация природы как негативной силы. Тело человека – культурная форма, противостоящая движениям природы, угрожающим ослабить и разрушить ее. Отсюда все практики организации и подчинения тела, начиная от аскетики, атлетики и косметики до современных моделей биополитики и эстетики гламура. Организация и подчинение телесной природы, проецируется на организацию и подчинение всей природы. Реки, моря, леса и горы, многочисленные животные лишаются статуса «телесных вещей», поскольку тело – это граница своего, а все перечисленное вообще не имеет «своего», то его можно рассматривать как ряд элементов, составляющих неорганическую конституцию человеческого тела. Животные, моря, горы – теперь не вещи, но источники энергии для поддержания человеческого существа – то, что питает его тело, обеспечивает его комфортными условиями.

«Овладей своим телом и тьма вещей обретет порядок» гласит китайская мудрость, возможно, что антропоургия, процесс выкраивания человеком самого себя из глыбы природы, идет обратным путем – человек овладевает тьмой вещей для того, чтобы обрести тело. После стремительной экспансии культуры тело человека перестает быть предметом поисков, завоевания или кражи, теперь это то, что дается взаймы. Человек существует поскольку обживает символические модели тела, предоставляемые арсеналом культурных техник: он умеет ходить, говорить, драться, добывать пищу – и все это кто-то когда-то уже делал. Пантеон божественных предков оживает в теле человека, когда он заново охотиться или ловит рыбу. Любое событие в его жизни – повторение опыта, имевшего место в далеком прошлом. Тело во всем многообразии его проявлений – калейдоскоп тиражируемых культурой архетипов. Формы выражения внутреннего вовне – формы нормирования жеста, тактики погашения первичных импульсов, стили амортизации желания и дискурсы непрямого высказывания – все это техники культурной медиации. Экраном, ловящим сигналы культуры и одновременно собирающим их, является человеческое тело: в движении рук, глаз, губ, в походке, осанке мы обнаруживаем культурные установки. Однако это вовсе не означает, что человек как существо, вытесненное из биосферы в семиосферу, оказался

заложником вечного возвращения одних и тех же знаков. Напротив, знак все время отклоняется от своей исходной орбиты.

Архаика и античность рассматривала такое отклонение как деградацию природы вещей, средние века как знамения, нуждающиеся в толковании, Новое время – как иррациональный элемент, нуждающийся в вычислении на всех уровнях: от научного познания до коммерческой прагматики. Отклонению в порядке вещей придавался позитивный или негативный оттенок, пока не было понято, что отклонение в порядке вещей – следствие перевода их в новый онтологический формат в формат знака. Отклонение присуще знаку по самому его существу, только такая подвижность и делает его знаком. В отличие от вещи знак не замкнут в себе, он открыт самому себе, внеположен себе. Именно этими характеристиками открытости и внеположности задается возможность игры знака с самим собой как иным, а отсюда и берет начало рождение смысла. Человек увидел природу как мир вещей, но стоило увидеть их с точки зрения культуры – как мир событий, т.е. как что-то, что не имеет равновесия в самих себе, и он тут же понял, что событие не может не быть окружено аурой смыслов, не может не переливаться значениями. Люди обедают, прогуливаются, общаются, обмениваются взглядами, выражают свои эмоции, или подавляют их. Во всем этом представлена не только повседневность человека во всей ее предсказуемой обыденности, но и яркий праздник семантической игры: столкновение и искажение значений, непредсказуемые траектории символико-смысловых импульсов сталкиваются друг с другом в свободной игре, рождают эффект имплозии – взрыва вовнутрь, ведущего к рождению знака из критического сжатия гетерогенных событий. На разных уровнях кристаллизации семантической цепи в соматической модели мы сталкиваемся с эффектом спонтанности – со случаем, смысловым сбоем, эфирным шумом. Знак – это всегда отсылка к иному, притом не к качественно или количественно иному, но к бытийно-иному, к тому, что отделено онтологической границей.

Мы привыкли рассматривать язык как многослойное образование: этимология слова всегда говорит гораздо больше, чем мы способны услышать в рамках повседневных контекстов словоупотребления, кроме того возможны смещения значений вследствие влияния иного языка, форм записи информации, экономии на письме, синтаксические сбои и семантические провалы. Все это не мыслится в устойчивом словообороте и тем не менее проговаривается. Язык, чаще всего говорит за нас или даже вместо нас. То же касается и форм мышления. Дело даже не в инерции, присущей мышлению, не в том, что шаблонные мыслительные ходы своим автоматизмом уничтожают возможность сознания, дело в том, что понятия, столь привычные нашему мышлению, кажущиеся последовательными и предельно упорядоченными (рациональными), могут иметь внерациональные истоки.

Страхи, фантазии, сны, навязчивые идеи могут направлять работу мышления индивида, но и целая эпоха может видеть и мыслить нечто также, что другой эпохе (после переключения установки сознания) будет казаться чем-то фантастически немыслимым или просто неуловимым в понятиях – коллективным сном разума, грезящими своими чудовищными идолами. То же касается и моделей телесности. На всех уровнях нашего существования мы телесно определены и тем не менее тело открыто нашему взгляду только в той или иной символико-смысловой перспективе.

Тело определяет наше положение в мире, но задолго до иллюзии непосредственной включенности в чувственно воспринимаемый мир символическая модель тела определила нас в отношении к смысловому универсуму. Мы переживаем нечто телесно через притяжение или отторжение, через желание обладать или уклониться; большинство ощущений являются производными от соотнесенности предмета и нашего тела, события и нашего тела. О ближнем и дальнем мы также судим в отношении к телу, и пусть логика расстояний отменяется экранами медиаустройств, все еще возможно вести речь об эмоциональной задетости, когда нечто заставляет нас телесно почувствовать напряжение жизни – дает ей затронуть нерв, в котором сосредоточено наше существо. Конечно же мы ничего не знали бы о собственном теле, если бы ни символические модели, артикулирующие выражение аффектов, волеизъявлений, эмоций, если бы не предписанные культурой формы переживания боли, страха, отчаяния. Но ключевым для понимания тела является не подведение его под категорию «природы» или «культуры», до некоторой степени очевидно, что последняя не может существовать без первой, а первая не может обрести язык и найти пути выражения без последней. Ключевым являются не целостные модели тела, а нечто вытесненное, утраченное, замолчавшее в опыте тела.

Вот школьник поднимает руку на уроке – он показывает, что готов спросить или ответить на вопрос, он хочет высказаться и привлекает внимание поднятой рукой. Но задолго до того, как этот жест привлечения внимания был включен в сферу публичной коммуникации, он привлекал внимание по другим причинам. Поднятая рука – это сигнал угрозы, сигнал нападения, агрессивный замах. Этот жест привлекает внимание потому, что издревле на него нельзя было не ответить вниманием, наше невнимание по отношению к «замахивающейся руке», к человеку, готовому нанести удар, могло стоить нам жизни. Привычный нам жест был подчинен иной семиотике, соотносился с иным жизненным миром, который до сих пор имеет влияние на нашу повседневность в закамуфлированном и неузнанном виде. Еще один пример: мы привыкли работать за стол, стол соучаствует в нашем мышлении, расположение материала на столе оказывает влияние на наш порядок действий и способ обращения с вещами, даже эк-

раны наших цифровых медиаустройств располагают значки программ на «рабочем столе». Мы редко замечаем, что стол – это способ поднять «землю» к человеку, для того, чтобы не опускаться к ней, стол связан с прямохождением человека, вертикальным положением его туловища, но более всего с запретом на возвращение к исходному животному состоянию. Планирование, расчет, моделирование событий связано с поверхностью стола: вещи спроецированные на поверхность этой поднятой к человеку «земли» – уже только модели, закономерно, что вся указанная метафизика стола приводит к возникновению «рабочего стола» компьютерных устройств и с осуществлением действий в информационном пространстве, где нет ничего кроме моделей событий. Сенсорные экраны, тактильно-интуитивное взаимодействие с компьютерами не было бы возможно вне той логики телесных жестов, условием которой выступает пространство стола. Обеденный стол, алтарь для священнослужения, стол переговоров, рабочий стол, экран предназначенный для тактильного взаимодействия – все они определяют порядок поведения, порядок действий и порядок мысли через телесную конфигурацию и конфигурация эта, равно как и сама работа нашей мысли ускользает от нас если мы не внимательны к ее происхождению. Даже самые «естественные» жесты, – жесты отчаяния, скорби, – представляют собой вывернутую наизнанку агрессию, агрессию, направленную против самого себя. Те жесты, который были призваны сделать нечто вовне, теперь предназначены предотвратить это возможное действие от осуществления, удержать его внутри. Мимика – след этого сдерживания или перенаправления действия находит применения в сфере коммуникации и даже флирта, танатос как угроза действительности оборачивается символическим эросом. С времен эту семиотику начнут осваивать новые и новейшие медиа. Мы знаем, что костюм часто определяет не только образ тела, но и самочувствие человека, его походку, его взгляд, уверенность или ее отсутствие, а, следовательно, и восприятие его другими людьми. Но здесь сама семиотика телесности, рожденная из подавленных, отсроченных и перенаправленных действий вводит личность человека в пространство взгляда, выстроенного в перспективе культурной оптики. Тоже самое можно сказать про патетику сценических жестов: еще до того, как они стали эксплуатироваться поп- и рок-звездами и вошли в невербальный язык медиа, эти жесты принадлежали скульптурам католических святых окаменевших в экстазе, а до них языку античной трагедии. Один и тот же жест несет на себе нераспознанные семиотические слои, истершиеся элементы цельного сообщения. Тем не менее, тело является мышлением, сосредоточенным на самом себе, непроницаемым для нас – если мы не видим те сбои семиотической цепи, которые скрывают целые миры нераспознанных смыслов. Тело – пространство игры знаков, и важен не «видимый» порядок знаков, организуемый этой игрой, а то скрытое невысказанное на что указывает знак.

Пространство телесности испещрено зонами умолчания. Нам еще только предстоит подобрать ключ к этим зонам, к этим культурным логикам, ушедшим в прошлое, но периодически проговаривающимся сквозь нашу телесность, оживающим в мире нашей повседневности, «выглядывающим» сквозь нашу кожу. «Так как пища образов – это взгляд, а взгляд – это жест тела, мы преобразуем тело в пищу мира образов» [2; С. 294]. Возникает закономерный вопрос какие образы питают наши тела сегодня, каково их происхождение, где происходит то, короткое замыкание полисемантических цепей, которое и рождает эти образы? Английский философ и логик Энди Кларк, размышляя о соотнесенности тела-мышления-технологии, определил человека в качестве «прирожденного киборга» (natural-born cyborg). В независимости от утопического киберслияния биологического тела с имплантами, проводами и микропроцессорами, наше тело остается неразрывно связано с материализованными техниками обращения, хранения и трансляции информации. Поэтому тело, формирующееся в переплетении природы и технических медиа доступно не только тем экспериментаторам, которые внедряют «силикон и провода в плоть и кровь, но и каждому, кто чувствует, что его мышление напрямую зависит от (сопряженного с телом и техникой – *прим. К. О.*) акта письма» [3; P. 5]. Когда мы открываем, что «многие из наших инструментов – не просто внешние опоры и средства, но глубоко интегрированые в систему нашего способа ставить и разрешать проблемы» [3; P. 5] (добавим – нашего способа быть), мы приходим к осознанию биологического тела как всего лишь аспекта более обширной медиально-технической функциональной системы [3; P. 18]. Энди Кларк указывает на связь нашей (ап)перцепции со сложными культурными техниками и техническими аппаратами. Ему вторит и немецкий медиа-критик Петер Вайбель, пытающийся в своих изысканиях оценить масштабы и степень влияния этих аппаратов на нашу соматическую перцепцию, на структуры возможного опыта и на повседневные практики ориентации в мире [1; С. 135-162]. Культура вписывает себя в пространство физического тела, но для самой себя культура остается по большей мере бессознательна, наша телесность как нечто определенное шифрами культуры является не до конца понятым текстом, замкнутым на себе сообщением, которое всегда доходит по назначению, но чаще всего не доходит до осознания транслятора. Для полного его раскрытия необходимо знать не только скрытую логику, выстраивающую культурные парадигмы той или иной эпохи, того или иного региона, для этого также необходимо выработать подход к аналитике искажений, смещений, смысловых имплозий.

Во-первых, необходимо обладать теоретическим инструментарием, дающим панораму культурной логики. Во-вторых, необходимо отдавать себе отчет в том, что вся эта логика, могущая быть описана в понятиях, часто построена на непонятийном или даже внепонятийном основании: например

медиа, транслирующие культурный опыт могут не столько передавать его, сколько оформлять по правилам свойственному им формату, тогда возникают не только прибавочные смыслы, но и общий стиль эпохи. Например, начало XX века мы представляем себе черно-белым и чаще немым несмотря на то, что все события этого времени сливаются в единый крик. Итак, формат накладывает свою определяющую печать на события. В-третьих, доминировавшие в прошлом, но сохраняющиеся в деактуализированном виде телесные техники не исчезают всецело, а лишь находят иные каналы выражения и их азбука не перестает проговариваться, мы лишь недостаточно внимательны к ней. Таким образом символическая археология телесности возможна не только как наука, но и как практика реактуализации культурных моделей, застывших в зонах отчуждения: язык тела, язык медиа, язык культуры не исключают здесь друг друга, но проговариваются в единстве смешения регистров – символическая организация тела влияет на использование инструментов, эти же инструменты расширяя возможности нашего тела изменяют его, или даже замещают его, и вот тело видится как набор инструментальных практик, а эти практики, в свою очередь транслируются культурой как то, что определяет человека в его повседневности, в его поведении и мышлении, в его аффектах, чувственном восприятии, волевом порыве. Символическая археология тела – это также наука о поиске себя в многообразии культурных практик, это наука знания себя, заботы о себе. Возможность ее актуализации это возможность понимания нас самих в нашей непосредственной повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайбель П. Восприятие в технологическую эпоху // Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров – М.: Логос-Гнозис. – 2011. – С. 135-162
2. Контрера М. С. Медиасфера и кризис чувственности // Антология медиафилософии Сост. В. В. Савчук. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – С. 292-300.
3. Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. – New York.: Oxford University Press. – 2003. – 240 p.

TRANSLIT

1. Vajbel' P. Vosprijatie v tehnologicheskuju jepohu // Vajbel' P. 10++ programmnyh tekstov dlja vozmozhnyh mirov – M.: Logos-Gnozis. – 2011. – S. 135-162
2. Kontrera M. S. Mediasfera i krizis chuvstvennosti // Antologija mediafilosofii Sost. V. V. Savchuk. – SPb.: Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – 2013. – S. 292-300.
3. Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. – New York.: Oxford University Press. – 2003. – 240 p.